

Кира МУРАТОВА:

Правда всегда шокирует

Едва успев выйти, первые фильмы Киры Муратовой «Короткие встречи» (1967 г.) и «Долгие проводы» (1971 г.) легли на полку. Четырнадцать лет Кира Муратова была «режиссером без зрителей». Первый ее фильм ждал выхода на широкий экран 20 лет! «Долгим проводом» повезло не больше — они пролежали на полке 17 лет.

Фильм «Среди серых камней», снятый по повести Короленко «Дети подземелья», был настолько изрезан цензурой, что режиссер отказалась ставить свою фамилию в титрах. Фильм пришел к зрителям под горьким авторским псевдонимом Иван Сидоров. Еще две ленты: «Познавая белый свет» и «Перемена участи» — вот и вся история творчества. 5 фильмов за 24 года! В рецензии на новый фильм «Астенический синдром» Наталия Рязанцева сказала: «...И вот, наконец, в 89-м году стало ясно, каким режиссером была бы Кира Муратова, если бы ей не мешали».

— В судьбе ваших картин бывало всякое — и запреща-ли, и не принимали... Но что для вас было самым тяжким?

— Непонимание или неприятие... не это самое страшное. Я могу объяснить себе неприятие. А самое тяжелое, когда режут фильм. Это, как убийство...

Вырезали куски из «Познавая белый свет» и очень сильно порезали «Среди серых камней». Я пыталась помешать, устроить скандал: сняла свою фамилию из титров. «Снимайте», — безразлично ответили мне. Сейчас и восстание невозможно, даже негатив уничтожен. Долго не смогла смотреть этот фильм. Досматривала до первой вырезки... и уходила. Меня охватило такое отвращение...

— Я не могла понять, из-за чего «Долгие проводы» запрещали? Что крамольное в этом простом и искреннем разговоре о человеческих невзгодах и радостях, любви и разладе между близкими людьми? Вероятно, в том, что на фоне «мажорных» настроений множества благополучных картин тех славных лет даже сдержанное слово правды звучало резким диссонансом.

— Мне клеили «буржуазное влияние», на студии пошли партсобрания: выясняли, как такой порочный фильм был снят, кто допустил. Это надолго прервало мою творческую судьбу. Тогда меня в первый раз дисквалифицировали как режиссера.

— Не было ли мыслей уехать за границу в таком образе искать возможности снимать?

— Нет. Я знаю, что такое заграница. Моя мама — румынка, отец — русский. Я окончила школу в Румынии и там жила. Родители были членами Румынской коммунистической партии, но с детства воспитывали меня в русофильском духе: русские книги читала, интересовалась русской культурой. И всегда мне хотелось приехать на Родину и жить здесь.

— Потом это повторялось не раз... Вслед за работой над новой лентой — вынужденное бездействие и молчание. Чем вы занимались в такие периоды, ведь они были продолжительными?

— Когда меня уволили после «Долгих проводов»; я потребовала предоставить мне хоть какую-то работу — ведь надо было заботиться о семье. Мне предложили список вакантных должностей на студии. Он начинался так: уборщица, помощник садовника. «Эти две первые должности меня устраивают», — сказала я.

— Почему вы выбрали такую работу?

— Я предпочитаю физическую работу никому не нужному копанию в бумагах. Но я не получила ее. «Нет, это невозможно», — сказали мне. — Это неудобно, если режиссер будет работать уборщицей». И дали мне работу в музее. Об этом мне вспоминать неприятно.

Так с 1971-го по 79-й я ничего не снимала. Потом была работа на «Ленфильме» — «Познавая белый свет». Мне сказали: «Давайте, попробуйте что-нибудь не современное. Вы не можете современное. Вы искажаете».

— Вам никогда не приходило на ум строки Марины Цветаевой: «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед»?

— Черед был всегда. Всегда мои фильмы были кому-то нужны, интересны. Количество — другое дело.

Мои зрители — это не миллионы.

— Что вас поддерживало все это время, помогло выстоять, не сломаться, не уехать?

— Киноклубы. Они не только материально поддерживали в нелегкое время, главное, я всегда чувствовала, что есть люди, которым нужны мои фильмы.

— Как создавался «Астенический синдром» — фильм, завоевавший Специальный приз жюри на фестивале в Западно-Берлине 1990 «Серебряный медведь»?

— Вначале был сценарий Саши Черных. Меня заинтересовал сюжет с человеком, который засыпает, устав от всего в этом мире, не находя в себе сил, энергии или возможностей продолжать существовать, участвовать в этой жизни. «Я не могу принять этот мир, я не могу ни его победить, ни его изменить. Он производит гнетущее, тяжелое впечатление. Я не могу в этом дышать, я не могу в этом жить... Но я не умираю. Я отключаюсь, я засыпаю. «Это не самоубийство — самоубийство это уже какой-то акт. А здесь пассивный протест, просто неприятие, которое находит уже даже физическое проявление — становится болезнью. Это символ. И он мне так понравился, что я начала думать об этом».

— Некоторые зрители воспринимали его так: это откровенная «чернуха», очень деструктивный фильм.

— Возможно, он несколько деструктивный. Но, главное, многим людям, как и мне, он доставляет какое-то освобождение, то, что называют катарсисом. Каждый раз, когда я смотрю эпизод «с очередью за рыбой», я испытываю странное облегчение, удовольствие, даже физическое, что ли, освобождение. Потому что мне самой, как любой женщине, не раз приходится стоять в очередях, и, когда я вижу это на экране, я как бы освобождаюсь от гнетущего, тяжелого чувства в жизни. Есть такое свойство искусства: когда тебе что-то показывают, то, узнавая, ты отдыхаешь от этого же самого в жизни.

— Шоковая терапия?

— Да, облегчение, когда говорится слово правды.

— На просмотре в Союзе кинематографистов кинорежиссер Балаия сказал, что ему кажется, после «Астенического синдрома» Кира Муратова будет снимать очень добрые и светлые фильмы. Он имел в виду именно этот эффект освобождения? Принесли ли эта работа вам самой облегчение?

— Нет. В фильме есть сюжет о животных. Мы снимали его в живодерне...

В мире и в каждом из нас есть какая-то элементарная, изначальная жестокость, зло, которых ни победить, ни изменить.

— Кира Георгиевна, вы максималистка по характеру? Или конформистка?

— Я конформистка в жизни и максималистка в искусстве. Закончив фильм, я люблю жить, чтобы мной руководили и — этому покоряться. Не люблю что-то демонстрировать, доказывать, не люблю спорить.

— А в искусстве?

— В искусстве же — наоборот. Искусство для меня — это царство свободы духа. И здесь я хочу быть свободна и вольна делать, что мне угодно.

Есть режиссеры, которые в искусстве себя продолжают. К примеру, Алексей Герман и в жизни продолжает нести те же мысли, он этим живет и в фильмах. Я же, наоборот. Я

не люблю общаться с людьми искусства.

— А с кем любите?

— Мне интересно общаться с какими-нибудь чудаками, странными, занятыми людьми.

— Что вы больше всего цените в людях?

— Талант. Дарование. Ценю то, чего я сама не умею делать. Поэтому к операторам, например, у меня отношение особое.

— Есть ли у вас фильм-желание, который вам хотелось бы снять?

— Мне всегда хотелось снять фильм ужасов.

— Как вы относитесь к разделению в кинематографе мужского и женского кино?

— Раньше я считала это деление на мужское — женское кино не просто искусственным или неверным, а даже глупым. Но два года назад я побывала на Всемирном фестивале «Женщины-режиссеры» в небольшом французском городке Кретей, близ Парижа, и нашла много неожиданного для себя. Нигде, ни на одном фестивале, я не видела такого количества интересных фильмов самых всевозможных жанров.

— Не так давно вы провели около месяца в Соединенных Штатах, по приглашению американской стороны, выступая там с лекциями об искусстве. Что вам особенно запомнилось?

— Толпа в Нью-Йорке. Она очень живописна. Там очень демократичный способ одеваться и вести себя.

— Есть ли в вас самой что-то, что мешает вам в жизни?

— Мне кажется, это — конформизм, который является естественной для меня формой жизни.

Мне мешает материя. Моя собственная материальность и материальность всего окружающего. Она имеет тяжесть, усталость. И отсюда — несвобода. Мне мешает земное притяжение. Но когда я начинаю делать кино, чувствую, что могу убить дух тяжести и подняться в небо.

Но в то же время я очень реалистична... Я не верю в Бога. Ни во что сверхъестественное не верю. Поэтому искусство — это моя религия...

А. ГЕТМАНЧУК.